

А.Е. Патлахов
Оренбург

ЗНАЧЕНИЕ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: историческая реконструкция, исторические события, военная история, Куликовская битва, научная литература.

АННОТАЦИЯ. В статье доказывается возможность опоры на научные источники и знания историографического поля для исторической реконструкции на примере обзора новых научных публикаций по истории Куликовской битвы.

A.E. Patlakhov
Orenburg

THE IMPORTANCE OF SCIENTIFIC LITERATURE FOR THE MILITARY-HISTORICAL RECONSTRUCTION OF THE BATTLE OF KULIKOVO

KEYWORDS: historical reconstruction, historical events, military history, Battle of Kulikovo, scientific literature.

ABSTRACT. The article proves the possibility of relying on scientific sources and knowledge of the historiographical field for historical reconstruction on the example of a review of new scientific publications on the history of the battle of Kulikovo.

Военно-историческая реконструкция опирается на большой массив разнообразного исторического и культурного материала. Для реконструкторов, несомненно, важны такие предметы ушедших эпох, как образцы оружия, предметы бытового назначения, знания о том, как воздвигались оборонительные сооружения и т. п. Без знаний такого порядка нельзя воссоздать повседневность прошлого.

Духовная культура не менее важна, но создать культурное поле намного сложнее, чем артефакты материального плана. Мы уверены, что огромную помощь тем, кто задался целью воссоздать картины боевого прошлого Руси XIV в., окажет изучение древнерусских письменных источников, а также научной литературы.

Цикл средневековых произведений, описывающих Куликовскую битву 1380 г., дошел до нас в виде нескольких сотен рукописных текстов XV–XVIII веков в составе летописей, статей в сборниках, отдельных рукописей. Текстологические изыскания не закончены и сегодня. Наибольшую ценность представляет «Повесть о Куликовской битве», основой которой стали устные рассказы ее участников. Исследователи предполагают, что литературная обработка устных рассказов произошла в Полоцке в 1386 г. Труд этот был исполнен «книжными людьми» полоцкого князя Андрея Ольгердовича². Сам князь сыграл значительную роль в Куликовской битве. Источник («Повесть...») показывает историческую и политическую канву событий: союз с Москвой против литовского князя Ягайла, резко отрицательное отношение к рязанскому князю Олегу и т. д.

«Сказание о Мамаевом побоище» не менее ценный источник. Это относится и к «Сказанию о Задонщине», к «Сказанию о новгородцах» и др.

Не менее интересным и полезным для воссоздания концепта «воинской культуры» будет погружение в современные исследования. Покажем это на нескольких примерах.

В свете того, что для военно-исторической реконструкции традиционными стали всевозможные рыцарские турниры, большой интерес для нас представляет публикация ведущего научного сотрудника Института всеобщей истории РАН, признанного специалиста по истории России XIV–XVII вв. В. Д. Назарова «Честь боярская», опубликованная в журнале «Родина» в 2003 г.³

¹ Патлахов Александр Евгеньевич, магистрант, Оренбургский государственный педагогический университет; 460052, г. Оренбург, ул. Салмышская, 24; e-mail: patlahova98@mail.ru.

Patlakhov Alexander Evgenievich, Master Student, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia.

© Патлахов А. Е., 2019

² Абзелев С. Н. Куликовская битва по летописным данным // Исторический формат. 2016. № 1. С. 8-9.

³ Назаров В. Честь боярская (Существовало ли рыцарство на Руси в XIII–XV веках) // Родина. 2003. № 12. С. 52-55.

В. Д. Назаров обнаруживает определенное сходство между древнерусской элитой и европейским рыцарством. Однако Русское государство было слишком ослаблено татаро-монгольским завоеванием, а содержание тяжеловооруженных конных воинов требовало больших материальных затрат.

Обезлюдившие города и упадок ремесленного производства делали проблематичным как обработку железа, так и в целом производство оружия, доспехов. На Руси не было и замков, подобных западноевропейским, в которых проживали представители нетитулованных фамилий.

Вместе с тем автор настаивает на том, что на Руси был слой конников, которые имели сходство с рыцарями. Подтверждением тому выступают вещевые материалы и иконография с образами архангелов и «святых воинов». В летописных сводах очень избирательно присутствует «кованная рать»¹.

В «Псковских летописях» есть описания двора князя А. Чарторыцкого: «Кованой рати боевых людей 300 человек, опричь кошевых»².

В. Назаров приходит к выводу о том, что конный воин – профессионал в «рыцарской» амуниции – был составляющей повседневности Руси XIII–XV вв., хотя о широкой распространенности представителей данного слоя речь не шла³.

Для военной реконструкции важным представляется вопрос, к какой социальной группе принадлежали русские «рыцари».

Предположительно, что это были выходцы из служивого боярства, у которых были и вотчины, и доходы, шедшие от подвластного населения. Автор аргументирует это превалированием имен бояр и княжеских воевод в перечне погибших в Куликовской битве. Конный воин – профессионал – это служилый боярин на службе владетельных князей. При этом рыцарский дух присутствовал в тех отношениях, что складывались между первыми и последними. В идеальном варианте это показано в «Слове о житии великого князя Дмитрия Ивановича», в котором дана предсмертная картина героя. Умиравший Дмитрий Донской назвал старших бояр «подобными отцу», своих сверстников почитал братьями, младших – чадами. Описывая свои жизненные достижения за 27 лет правления, а это и храбрость в боях, непримиримость к врагам, победа над «погаными», установление «мира и тишины в земле Русской и т. д., Дмитрий Иванович признавал неоценимую помощь бояр, которых считал «князьями земли своей»⁴.

Этот мифологический текст дает четкую картину того, как представлялась идеальное общество: бояре должны были неуклонно соблюдать свой долг, не боясь смерти, быть лично верными своему патрону. Князь же оказывает честь боярину. Таким образом, наличие договорной тип взаимоотношений, что также роднит русичей с Западом. И все же феномен рыцарства западноевропейского типа на Руси не «пророс». Виной тому – экономические причины, а также отсутствие майората, считает В. Назаров. Этот вывод мы должны учитывать при выстраивании военной реконструкции Куликовской битвы.

Военным реконструкторам нельзя обойти проблему того, каково было построение русских войск на Куликовом поле. В отечественной историографии сложилось определенное мнение по этому вопросу. Поскольку в ранних источниках, освещающих историю Куликовской битвы, четких ориентиров нет, то современные исследователи зачастую не удовлетворяются ранее предложенными схемами⁵. Так, например, Д. А. Моисеев не соглашается с тем, что основу русского войска составляли три полка – центр и два фланга, имелись также передовой, сторожевой и засадной полки, шедшие двумя-тремя линиями⁶. Автор работы считает, что некоторые термины были модернизированы, как это произошло с «передовым полком», на самом деле данных о том, что на Куликовом поле в 1380 г. был задействован «передовой полк» в ранних источниках нет, и только поздние московские летописи пишут об этом.

Д. А. Моисеев подвергает сомнению и наличие «полка у дубравы» («засадный», «потаенный»). Понятие «засада» по мнению автора присуще только концу XV в.⁷ [8, с. 5].

Авторский вариант таков: войско Дмитрия Донского было построено по принципу трехчастного деления, примерно так, как это наблюдалось в сражении 1378 г на реке Вожа. В работе представ-

¹ Абзелев С. Н. Куликовская победа в народной памяти. Литературные памятники куликовского цикла и фольклорная традиция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 30-31.

² Псковские летописи М.; Л., 1941. С. 58.

³ Там же. С. 52.

⁴ Памятник литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М.: Худож. лит., 1981. С. 212-218.

⁵ Моисеев Д. А. К вопросу о построении русских войск на Куликовом поле // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. 2007. Сер. 2. Вып. 1. С. 3-7.

⁶ Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. 1980. № 8. С. 3-21.

⁷ Моисеев Д. А. К вопросу о построении русских войск на Куликовом поле // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. 2007. Сер. 2. Вып. 1. С. 5.

лен предполагаемый план, когда в центре располагался полк великого князя, а по правую и левую сторону находились еще два полка.

У Д. А. Моисеева есть единомышленники. Так, например, современный исследователь русского средневековья А. Петров считает, что несоответствие фактов, изложенных в «Сказании о Мамаевом побоище», датированном концом XV – началом XVI вв., с реальными событиями обусловлено идеологической «ангажированностью» «Сказания»¹.

Данное обстоятельство породило массу научных дискуссий, среди которых и споры о тактике войска Дмитрия Ивановича. У многих исследователей вызывает недоумения схема Куликовской битвы. Она противоречит традиции битв Средневековья. Вопреки постулатам таких известнейших военных историков дореволюционного периода, как Д. Масловский, Н. С. Голицын и др., А. Петров утверждает, что план, представленный последними, соответствует правилам походного построения армии конца XV–XVII вв. Об этом свидетельствуют разрядные книги. Но для 1380 г это было не типично².

А. Е. Петров, анализируя сложившуюся картину Куликовской битвы, находит массу несоответствий, касаемых основных сюжетов: благословения Сергея Радонежского, битвы Пересвета с Челубаем и др. Автор видит в «Сказании ...» большое влияние агиографии, т. н. воинских повестей и в первую очередь «Александрии», имевшей большую популярность на Руси начиная с XV в.

Автор «Сказания», как мы уже упоминали, написанного спустя около 100 лет после Куликовской битвы, привнес в свое сочинение то восприятие прошлого, которое было и характерно, и принимается обществом конца XV в. Дмитрий Иванович воспринимался исключительно как самодержец. Церковь в самом широком понимании предопределила победу русичей: в день Рождества Пресвятой Богородицы она сама освятила поле, поскольку ни ратный подвиг Пересвета, ни полководческий гений князя Боброка Волынского, ни героическое личное мужество Дмитрия Ивановича не смогли бы пересилить трехкратного численного преимущества врагов. Церковь с ее призывом «Единением и любовью спасемся» в исторической памяти о Куликовом поле стала краеугольной³.

Андрей Петров вносит замечания по поводу источниковой ценности дошедших до нас памятников Древней Русской литературы, посвященной Куликовской битве, но не отрицает того огромного влияния, которое оказали «Сказание» и летописи на творчество поэтов и писателей, художников и скульпторов, на философские отечественные школы⁴.

Научный подход, представленный в работах А. Е. Петрова к истории Куликовской битвы еще более развит автором в исследовании, помещенном на страницах журнала «Новая и новейшая история» в номере 3-м за 2004 г.

У научной статьи «говорящий» заголовок – «Перевернутая история. Лженаучные модели прошлого»⁵. Необходимость выступления подобного рода была обусловлена всплеском активности представителей той самой «лженауки», которые вовлекли в свои «теории» и события Куликовской битвы. Так, например, некто Н. Бурланков озвучил измышление о том, что Куликовская битва и сражение на Воже это одно событие. Пресловутый автор «Новой хронологии» А. Т. Фоменко напротив, перенес дату Куликовской битвы вперед на 2 года – в 1382 г., перемещая и в пространстве, доказывая, что место битвы – в Москве. А. Е. Петров разоблачает как историографическое невежество указанных авторов, так и склонность к фантазиям, к притягиваниям удобных фактов и игнорирование тех, которые противоречат их «революционным открытиям».

Чрезвычайно скептически А. Е. Петров расценивает выводы известного автора теории пассионарности Л. Н. Гумилева. Не отрицая их оригинальности яркости, автор не склонен соглашаться с Гумилевским выводом о благе монгольского нашествия на Русь, а также с «сумерком этноса» XIII в. Опасность в приверженности к указанной концепции обнаружила себя в 90-е гг. прошлого столетия, когда на постсоветском пространстве, а также регионах Поволжья, Предуралья и др. стали вырастать

¹ Петров А. «Свеча загорелась сама собой» ... память о Куликовской битве в идеологии российского государства XV – XVI веков // Родина. 2003. № 12. С. 99-103.

² Петров А. Е. «Сказания о Мамаевом побоище» и становление разрядного делопроизводства // Источниковедение и краеведение в культуре России: к 50-летию служения С.О. Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С. 99-106.

³ На Куликовскую битву уходили москвичи, владимирцы, белозерцы, ростовчане, суздальцы, костромичи, дмитровцы ... , а вернулись единым русским народом. М.: Совет Федерации, 2006. С. 4.

⁴ Петров А. «Свеча загорелась сама собой» ... память о Куликовской битве в идеологии российского государства XV–XVI веков // Родина. 2003. № 12. С. 102-103.

⁵ Петров А. Е. Перевернутая история. Лженаучные модели прошлого // Новая и новейшая история. 2004. № 3. С. 26-30.

мифы, где возвеличивался свой этнос, а русские были представлены чуть ли не дикарями, которые вторглись в развитую цивилизацию и погубили ее¹.

Таким образом, в попытках выдвинуть «новые» концепции на основе игнорирования письменных источников, археологических находок содержится много рисков, которые могут очень негативно повлиять на умонастроение общества, особенно это опасно для молодых людей, которые падки на сенсации и готовы поверить во все то, что позиционирует себя как «прорыв в историю», отмечает устоявшиеся взгляды и ценности. Для того, чтобы нейтрализовать указанные риски, необходим научный взгляд на проблему, в том числе и с помощью знакомства с базовой историографией и авторитетными исследованиями современных авторов.

Подтверждением выдвинутого нами постулата может служить исследование доктора филологических наук, профессора, ведущего научного сотрудника Института русской литературы С. Н. Азбелева «Куликовская битва по летописным данным» [1, с. 73-109]. Автор подходит к проблеме определения истинной истории Куликовской битвы с позиции сегодняшнего дня, поскольку даже столь отдаленные во временном отношении, но ключевые события не только представляют интерес для истории как науки, но и затрагивают интересы суверенитета современной России и требуют бережного отношения к ее героике².

Мы считаем, что историко-военным реконструкторам важны следующие утверждения С. Н. Азбелева: состав армии Дмитрия Донского и Мамаю был не идентичен. Мамай командовал профессионалами. Ядром его армии была ордынская конница, которая пополнялась девятью улусами, находившимися под властью бывшего темника. Вспомогательную роль играли войска вассалов и союзников.

Дмитрий Донской располагал княжеской и боярской конницей, уступавшей по численности мамаевской, а также народным ополчением, участники которого не могли отличаться боевой и строевой подготовкой. Автор отвергает мнение о том, что армия Мамаю была значительно большей. Но ещё раз делается акцент на монгольском профессионализме. Русское ополчение могло действительно быть весьма многочисленным. Д. Ф. Масловский предполагал, что русское войско на Куликовской битве достигало 100-150 тыс. человек, с ним был согласен М. Н. Тихомиров и Л. В. Черепнин. Но позднее, в 1980-е – 1990-е гг. вопрос о количестве воинов исследователи связали с предполагаемым местом сражения и скорректировали устоявшуюся цифру в сторону минимализации. Это отмечалось в работах А. Н. Кирпичникова, В. А. Кучкина, А. Е. Петрова, М. И. Гонянова и О. В. Двуреченского, А. В. Журавеля и др.

Помимо того, А. В. Журавель на основе реконструкции (с помощью опытных военно-исторических клубов) представил свое видение характера боя. Он предположил, что все воины поголовно были в доспехах, весивших около 20 кг, плюс вес оружия и щитов. Такой воин, по мнению автора, мог участвовать в активном бою в среднем около 2-х минут³.

При таком раскладе бой представлял собой ожидание – кто побежит с поля боя раньше. Битва – череда коротких схваток. У С. Н. Азбелева другой вывод, он, ссылаясь на немецкого историка начала 17 в. А. Кранца, считает, что противоборствующие силы «набегали большими вереницами, бросали копьё и наносили удары и вскоре отступали назад»⁴.

Пространная работа С. И. Азбелева сводится к следующим выводам:

– Куликовская битва произошла в центральной части Куликова поля, не далеко от истока р. Непрядвы;

– русское войско состояло из 200 тыс. человек;

– с обеих сторон сражались 400 тыс. участников;

– трехчасовой бой был ожесточенный, победа была достигнута внезапной атакой ударного резерва, что был в дубраве позади русских войск⁵.

Об активной дискуссии говорит целый поток публикаций, включая работы уже названного А. В. Журавеля⁶. Данный исследователь приводит довольно экстравагантный подход к Куликовской битве, дает свою схему событий, план боя, характеристику исторических – мифологизированных образов.

¹ Олейников Д., Филиппова Т. Как распорядиться «общим» наследством? Вместо заключения // Национальная история в советском и постсоветском государствах. М., 1999. С. 329-340.

² Азбелев С. Н. Куликовская битва по летописным данным // Исторический формат. 2016. № 1. С. 74.

³ Журавель А. В. «Аки молния в день дождя». Кн. 1: Куликовская битва и её след в истории. М., 2010. С. 356-357.

⁴ Азбелев С. Н. Куликовская битва по летописным данным // Исторический формат. 2016. № 1. С. 88.

⁵ Там же. С. 99.

⁶ Журавель А. В. Два сражения за поле Куликово: реальное и книжное // Преподавание истории в школе. 2016. № 1. С. 24-28.

Поскольку военно-историческая реконструкция предполагает вхождение в образ не только одной стороны, в нашем случае – русичей, но важно знать и то, что представляло из себя войско Мамая и сам Мамай.

Помимо источниковой базы, довольно тяжелой для человека, не посвященного в тонкости летописных источников, агиографии, существуют работы, авторы которых дают картину этнического состава войск Мамая. Так, А. Карсанов доказывает, что основу этой армии составляли войска татар и половцев – конникам были привычны открытые степи¹. Ссылаясь на известного исследователя Средневековой Руси М. Н. Тихомирова², автор разъясняет кого летописи называют «бесерменами». Скорее всего, речь шла о булгарах – мусульманском народе, жившем в Среднем Поволжье. Помимо булгар, в войске Мамая были «черкасы» – народ известный как северокавказские адыги. Предки осетин названы «ясы». «Буртасы» – племена Среднего Поволжья, но мордва – мокша и мордва – эрзя упоминаются в источниках отдельно.

А. Карсанов считает, что вполне вероятно, что у Мамая в статусе наемников из Крыма были и армяне.

В летописях упоминаются фрязы, предположительно это были отряды итальянских городов – колоний Южного Крыма. Данные города имели договорные отношения с Золотой Ордой. Отряды фрязов нельзя причислять к наемным войскам. Они не были и большими.

Судьба самого Мамая также прослежена путем анализа нескольких летописей. По Троицкой летописи Мамаю после Куликовской битвы удалось собрать определенную силу, с которой он вновь хотел пойти в поход на Русь. Но на пути встал Тохтамыш, с которым военачальники Мамая не захотели сражаться, и перешли на его сторону. Тохтамыш настиг Мамаю, убил, захватил улус последнего.

Никоновская летопись сообщает о все-таки состоявшейся битве между Мамаем и Тохтамышем на Калке. Тохтамыш вышел победителем. Мамаю же убили жители Кафы, где тот решил найти убежище.

Краткий обзор представленных выше публикаций несомненно может сориентировать разработчиков военно-исторической реконструкции «Битва на Куликовом поле». Особенности построения, численность, состав войск важен. Но стоит особо выделить работы тех авторов, которые делают попытки понять истоки Победы русичей в 1380 г.

А. Е. Петров призывает осмыслить значение того фактора, как внутренняя консолидация Москвы, Твери, Нижнего Новгорода и Рязани, а также факты материального и духовного подъема русичей, которые постепенно преодолевали чувство подавленности, отчаяния, причинами которых был беспрерывный террор и безнаказанность ограблений³.

А. Е. Петров настаивает на том, что в середине XIV в. «подорванный монгольским нашествием и постоянными разорениями общий дух возрождается и крепнет». Одновременно с крестьянским «миром» зарождается мощное церковное движение со своими будущими святыми (митрополит Алексей, Серей Радонежский). Огромное значение имел и «Великорусский союз».

А. Е. Петров указывает на пробуждение в русском народе интереса к политической жизни, на желании лично влиять на изменение своей судьбы. Высоко оценена масштабность личности Дмитрия Донского.

Заслуга князя в том, что поставил себя на службу общенациональным интересам.

Таким образом, мы в очередной раз попытались доказать, что военно-историческая реконструкция должна иметь под собой научную основу. Только тогда можно достичь приоритетной задачи – соответствия эпохе, историческому образу.

Историческая реконструкция как форма работы со школьниками при условии опоры на исторические источники обеспечивает не только знаниевый компонент, но и обеспечивает культурную преемственность поколений, образует воспитательное пространство для детей, подростков и юношества в рамках внешкольной работы. Реконструкция Куликовской битвы при названных условиях может представить перед учащимся не как некое событие далеких веков, но как победу, вызывающая гордость у современного поколения, пробуждающая патриотические чувства.

Источники и литература:

Абзелев С. Н. Куликовская битва по летописным данным // Исторический формат. 2016. № 1. С. 73-109.

Абзелев С. Н. Куликовская победа в народной памяти. Литературные памятники куликовского цикла и фольклорная традиция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 312 с.

¹ Карсанов А. Войска Мамаю в Куликовской битве: источники и их толкования // История: прилож. к газ. Первое сентября. 1998. № 40. С. 6.

² Тихомиров М. Н. Бесермены в русских источниках // Российское государство XV–XVII веков. М., 1973. С. 89.

³ Петров А. Е. Эпоха Дмитрия Донского (до 1380 г.) // Преподавание истории в школе. 2002. № 7. С. 12.

- Журавель А. В. «Аки молния в день дождя». Кн. 1: Куликовская битва и её след в истории. М., 2010.
- Журавель А. В. Два сражения за поле Куликово: реальное и книжное // Преподавание истории в школе. 2016. № 1. С. 24-28.
- Карсанов А. Войска Мама в Куликовской битве: источники и их толкования // История: прилож. к газ. Первое сентября. 1998. № 40. С. 6.
- Кучкин В. А. О месте Куликовской битвы // Природа. 1984. № 8. С. 47-53.
- Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. 1980. № 8. С. 3-21.
- Моисеев Д. А. К вопросу о построении русских войск на Куликовом поле // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. 2007. Сер. 2. Вып. 1. С. 3-7.
- На Куликовскую битву уходили москвичи, владимирцы, белозерцы, ростовчане, суздальцы, костромичи, дмитровцы ... , а вернулись единым русским народом. М.: Совет Федерации, 2006.
- Назаров В. Честь боярская (Существовало ли рыцарство на Руси в XIII–XV веках) // Родина. 2003. № 12. С. 52-55.
- Олейников Д., Филиппова Т. Как распорядиться «общим» наследством? Вместо заключения // Национальная история в советском и постсоветском государствах. М., 1999. С. 329-340.
- Памятник литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М.: Худож. лит., 1981. 605 с.
- Петров А. «Свеча загорелась сама собой» ... память о Куликовской битве в идеологии российского государства XV – XVI веков // Родина. 2003. № 12. С. 99-103.
- Петров А. Е. «Сказания о Мамаевом побоище» и становление разрядного делопроизводства // Источниковедение и краеведение в культуре России: к 50-летию служения С.О. Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С. 99-106.
- Петров А. Е. Куликово поле в исторической памяти: формирование и эволюция представлений в месте Куликовской битвы // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2003. № 3. С. 26-30.
- Петров А. Е. Перевернутая история. Лженаучные модели прошлого // Новая и новейшая история. 2004. № 3. С. 36-59.
- Петров А. Е. Эпоха Дмитрия Донского (до 1380 г.) // Преподавание истории в школе. 2002. № 7.
- Псковские летописи М.; Л., 1941.
- Тихомиров М. Н. Бесермены в русских источниках // Российское государство XV–XVII веков. М., 1973. С. 86-90.
- Чеботарёв А. В поисках Куликова поля // Нескучный сад. М., 2005. № 4 (15). С. 94-101.